

Конференция «Современная православная экклезиология: служение Церкви и ее устройство»

Интервью с еп. Иринеем (Стинбергом), прот. Джоном Бэрром, священ. Георгием Кочетковым, Д. С. Гасаком, В. В. Александровым, священ. Иакинфом Дестивелем

ВОПРОСЫ

Что главное в служении Церкви сегодня?

Каково основное содержание этого служения, какими должны быть его акценты?

Какое устройство церковной жизни наиболее соответствует этому служению?

Епископ Ричмондский и Западно-Европейский Иринеи (Стинберг)

Доктор философии Оксфордского университета, декан Института богословских наук им. свв. Кирилла и Афанасия Александрийских (Сан-Франциско), профессор патристики и церковной истории

Думаю, основное служение Церкви никогда не менялось. Оно всегда было одинаковым. Служение Церкви заключается в том, чтобы открыть миру Святую Троицу и вовлечь мир в жизнь Троицы. Именно для этого Христос воспринял человеческую плоть, поэтому Он жил среди людей, умер, воскрес и вознесся на небеса. Этому Он учил своих апостолов: «Идите и проповедуйте всей твари и крестите все народы»^{*1}. Наша миссия сегодня такая же. Наша миссия — сделать так, чтобы мир действительно видел, слышал и чувствовал реальность Евангелия, и не просто слышал, а призывался жить по Евангелию. Поэтому мы ничего

^{*1} Ср. Мф 28:19

не модернизируем. Миссия сегодня та же, что две тысячи лет назад. Она будет такой и через тысячу лет, если Бог отпустит нам эту тысячу лет.

Мы верим, что устройство Церкви — тоже Божий дар. Это не то, что мы сами изобрели. Это одно из уникальных явлений в нашей православной жизни. Мы не верим, что в некоторый момент истории группа людей села и подумала: «Как бы нам организовать церковь, чтобы она была наиболее эффективна». Устройство Церкви определяется поручением, которое Христос дал своим апостолам, сказав им, что делать. Эти апостолы передали следующему поколению то, что Христос открыл им. Те передали это дальше. Конечно, с течением истории кое-что поменялось. Например, жители Коринфа несколько отличались от жителей Рима. Возможно, люди в 500 г. н. э. немного отличались от тех, что жили в 200 г. н. э. Возможно, люди в России в XXI в. немного отличаются от жителей Америки XXI в. Конечно, небольшие изменения в церковном устройстве были, но основная идея остается прежней. Мы продолжаем апостольское учение через преемство от апостолов и несем Евангелие людям через таинственную жизнь. Наше основное служение миру заключается в том, что мы несем таинства людям, чтобы они стали видимыми и реальными. Таким образом, структура церкви включает епископов, священников, дьяконов, певчих, чтецов, алтарников, которые служат в приходах, сестричествах, братствах. Все они служат одной цели — несению веры, древней и живой веры, современному поколению. В современном обществе всегда присутствует тенденция изобрести что-то новое, сказать: «Мы современные люди и нам нужны современные решения современных проблем». Но порой древняя мудрость — лучшая мудрость. Бог показал нам способ обретения вечной жизни. В этом смысле принадлежность к Телу Церкви до сих пор остается способом обретения вечной жизни. Церковь вынуждена приспособливаться к той или иной культуре. Я живу в диаспоре. Практика, принятая в Америке или Англии, отличается от практики, существующей в центре Москвы или Санкт-Петербурга. И тем не менее, это все одна Церковь. Мы не поменяли ничего в главном. Это, думаю, очень важно. Мы живем в обществе, которое постоянно хочет чего-то нового, лучшего по сравнению с предыдущим поколением, чего-то своего. Мир нуждается в том, чтобы ему показали, что нужно уходить от своеволия и позволить управлять собой чему-то другому, а не своим желаниям.

Можно ли сказать, что Церковь, согласно апостольской традиции, — это община, место встречи и общения?

Церковь — это всегда апостольская община. Такова природа Церкви. Где бы она ни существовала — в Греции, России, Америке, Италии, — и когда бы она ни существовала — в древности, в Средневековье или сейчас — Православная церковь всегда воплощает, делает реальным присутствие апостольской общины. Община апостолов не была однородной. Апостолы не были клонами друг друга. Это были уникальные люди со своими личностными характеристиками, манерой поведения и речи. Но во Христе они стали одним Телом. Эта живая общность, опыт Христа и способность следовать за Христом в Царство Небесное как раз и передаются из поколения в поколение. Это то, что мы воплощаем в каждой церкви, в каждом храме, в каждый период истории. Поэтому апостольская традиция для нас — это не набор доктрин из прошлого. Это живая преемственность тому пути, на котором эти люди переживали общение со Христом. Это то, что мы пытаемся нести и несем современному обществу. Это даже не столько собрание вероучений и доктрин, хотя все это у нас есть. У нас есть доктрины, догматы и вероучение. Но дар, который мы предлагаем миру, — это встреча с Иисусом Христом, встреча с ним лицом к лицу, освящение Им, спасение от греха, жизнь в святости при определенном усилии. Это не происходит автоматически, но это возможно. Вот что означает для нас апостольская традиция. Это что-то живое. Апостолы встретили Иисуса Христа. Они разговаривали с Ним, они видели Его, они задавали Ему вопросы. Он знал их по именам. Он звал их Петр, Иаков, Иоанн. Это то, что мы переживаем в Церкви. Мы приходим, чтобы увидеть Христа, поговорить с Ним, приходим, чтобы узнать, кто Он такой, и чтобы Он узнал нас, узнал наши имена и предложил свою жизнь не просто миру, а мне, вам — лично каждому человеку. Вот это для нас апостольская традиция, это нечто живое. Это то, что хранится в нашей Церкви. Это то, что хранит Собор. Это то, что хранит иерархия и литургия. Это возможность для человека войти в храм и поговорить с Богом и пережить встречу, которая изменит его жизнь.

Протоиерей Джон Бэр

Доктор философии Оксфордского университета, руководитель магистерской программы по теологии, профессор патристики Свято-Владимирской православной духовной семинарии в Нью-Йорке

Мой взгляд может показаться довольно необычным. Служение Церкви сегодня то же, что и всегда, хотя это и нечасто услышишь: служение Церкви в том, чтобы помогать людям умереть. Идет ли речь о Крещении или о Евхаристии, Церковь говорит о взятии на себя своего креста, умирании для себя и способности жить для других. Служение Церкви в том, чтобы помочь людям войти в жизнь Христа. Это просто. Это фундаментальная мысль Евангелия. Дело не в социальных или экономических программах и преобразованиях. Дело в проповеди Евангелия, чтобы другие могли услышать Слово и войти в него, взяв на себя свой крест, а в организационном плане подходит все, что служит этой цели.

Церковь должна свидетельствовать, что существует другая форма, другая модальность жизни, отличная от той, которую нам предлагает мир сей. Жизнь, которую предлагает нам мир, часто сводится к процветанию, экономической выгоде; как говорят в Америке, «будь всем, чем можешь быть». Церковь должна свидетельствовать, что есть другая жизнь, которая становится возможной для нас через взятие креста, когда ты живешь не для себя, а для других. В самом этом акте жизни для других, а не для себя, я начинаю жить той жизнью, которая неподвластна смерти, потому что я вошел в нее через смерть.

Церкви как структуре бывает нелегко это признать, потому что она часто сосредотачивается на этой жизни, превращается во что-то вроде департамента по социальной работе или по совершению таинств. Заботиться о бедных и бездомных, а также заниматься другими подобными вещами необходимо, но это не самоцель. Цель — та иная жизнь, которую предлагает нам Христос.

Думаю, во все времена человеку было необходимо свидетельство других о том, что эта иная жизнь возможна. В ранней Церкви такое свидетельство приносили мученики. В следующие после Константина века — монахи. Полагаю, сегодня мы находимся в особой ситуации, непохожей на прежние эпохи. Если говорить прямо — я имею в виду Северную Европу и Америку, не знаю, как обстоят дела в России — никогда ситуация не была такой благоприятной. Мы даже подумать не могли, что будем жить до 60–70–

80–90 лет и не болеть, что в нашем распоряжении будет масса вещей, которые наши родители даже представить себе не могли. Никогда ситуация не была такой благоприятной — и никогда мир не был таким соблазняющим. Это сильно осложняет наше положение. Свидетельство мучеников, которое было продолжено в свидетельстве монашествующих, не может быть просто механически перенесено на нашу ситуацию. Сегодня невозможно просто избрать монашество как альтернативу этому миру. Нужно попытаться найти какие-то новые формы свидетельства об этой иной жизни, чтобы нести Благою весть о кресте Христовом в современном мире, который так сильно изменился.

Священник Георгий Кочетков

Кандидат богословия, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института, главный редактор журнала «Свет Христов просвещает всех»

Опять приходится, говоря на эти темы, оглядываться назад. Приходится возвращаться к истокам, приходится говорить о началах, т. е. об основоположных понятиях, начиная с того, что такое служение. Под служением сейчас часто понимают совершенно разные вещи, настолько разные, что они никак не сходятся, поэтому и размышления на эти темы разных людей бывают абсолютно несоединимы.

Что же такое служение Церкви? Понятно, есть служение отдельного человека. Всем известны слова писания: «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил»^{*1}. Хорошо. Но, во-первых, давным-давно этими принципами никто не руководствуется, никто не ожидает от каждого христианина служения тем даром Духа Святого, который он получил. Никто даже не видит, кто что получил. Никто не может оценить этого, поэтому не знают, что ожидать. Когда говорят о служениях, то чаще всего имеют в виду какие-то должностные служения, институциональный или функциональный аспект этого вопроса. Функциональный аспект, ветхозаветный по своему происхождению, предполагает, что все должно выполняться в соответствии с какой-то функцией в жизни, в Церкви как организме. Разные члены выполняют ту или иную функцию. Институциональный аспект предполагает, что человек не просто функцию какую-то выполняет хорошо, но служит системе, институции, совершенно внешней, совершенно бездуховной, часто даже и не имеющей отношения к духовной

^{*1} 1 Пет 4:10

жизни, а просто сложившейся под влиянием разных причин, включая даже исторические, политические, не просветленные благодатью. Никто не видит или не хочет замечать личностного аспекта служения, т. е. того, который рождается в единстве человека с Богом. Служение в таком духовном, мистическом аспекте — это действительно личностный акт, это действительно соборный акт, действительно акт богочеловеческий. Это очень важно: о каком служении мы можем вести речь в Церкви? Что такое служение Церкви и что такое служение в Церкви?

Служение в Церкви всегда личностное, оно должно быть выведено на уровень сердца и совести каждого верующего человека, а функциональные и институциональные служения должны быть поставлены в подчиненное положение.

Когда мы говорим о служении Церкви, то каково оно, особенно сейчас? О служении Церкви вообще говорить трудно, потому что Церковь все время берет на себя какие-то функции и ставит их на первое место, имеющее к служению Богу очень косвенное отношение, и тем более к служению тем даром, который дан от Бога в данный момент.

Что Бог ставит для нас на первое место сейчас? Никто не знает. Для того, чтобы это знать, нужно быть очень чуткими людьми, нужно иметь пророческий дар или дар гностический, т. е. способность познавать волю Божью, познавать Бога как живого Бога, триединого Бога, являющегося нам в даре Духа Святого, во Христе и через Христа в Отце. Мы часто этого делать не умеем, а если даже кто-то прорывается к этому дару, то церковь часто не узнает таких людей как своих служителей, как тех, кто несет самое главное в Церкви — откровение воли Божьей. Церковь не узнает в таких людях тех, кто наделен какими-то пророческими дарами, отторгает их, называя гордецами, заблуждающимися людьми, а иногда даже раскольниками или еретиками.

Если мы будем смотреть на служение Церкви с экзистенциальных позиций, как на живое откровение воли Божьей здесь и сейчас, для всей Церкви и для каждого из нас, тех, кто живет в ней или надеется, что это так, в сердце своем, то мы увидим, что главным в служении Церкви сейчас должно быть становление человеческой личности, уважение к каждому человеку, акцент на любви, свободе и истине как самых ценных качествах церковной жизни. Все остальное должно иметь служебное положение.

Церковь должна быть не просто правдивой, честной, она должна быть открытой, способной доверять всем, даже тем, кто в нее

не входит. Доверять не для того, чтобы механически воспринимать все, что эти люди несут, а для того, чтобы дать им шанс, для того, чтобы поддержать их в лучшем, в хорошем, для того, чтобы открыться. Когда люди закрыты друг к другу и к Богу, ничего доброго произойти не может. Церковь должна научиться жить по-новому, она должна учить и научиться жить вместе, соборно, лично, качественно. Церковь должна не просто отвечать за общество, за историю, за народ, хотя и этому тоже надо заново учиться, но она должна, прежде всего, устремляться к откровению Царства Небесного, показывать значение в наше время того, что Царство Божие приблизилось и приближается дальше. Приближается не просто конец, тем более если он понимается как страшный и ужасный, а приближается именно Царство Небесное и Суд, как исходящий от Бога свет, согласно пророкам Ветхого завета.

Мы должны видеть Церковь как Церковь умеющую сострадать и сорадоваться, мы должны являть Церковь как Церковь света, мира, как соль земли, и в этом главное служение Церкви. А уже потом все функциональные и институциональные интересы и реалии церкви, которые всегда имеют относительно временное значение.

Церковь должна уметь восстанавливать память. Она должна устанавливать норму жизни для каждого человека, быть критерием его вкуса, восстанавливать чувство меры и такта в отношениях между людьми, во всем — во внешнем и внутреннем, во внешней и внутренней жизни. Она должна воздавать каждому благодарностью за то хорошее, что в нем есть, даже если он не член церкви. Церковь не должна никого судить последним, окончательным судом, т. е. не должна никого осуждать, но суждение свое, трезвенное и ясное, проникающее в самую душу людей, она должна выносить.

Соответствующим образом Церковь и должна быть устроена. Ничто не должно мешать в ней ее основному служению. Наоборот, все должно помогать, способствовать, поддерживать то, к чему Бог нас призвал, то, на что Бог надеется, что должно явиться в Его народе, что должно преображать этот мир, способствовать его просветлению и очищению. В этом смысле нужно вспомнить идеи того «Нового Средневековья», о котором когда-то говорил Н. А. Бердяев, величайший русский мыслитель, наследие которого стоит изучать и обсуждать, потому что понимается оно слишком неадекватно, односторонне и не усваивается многими верующими людьми как свое.

Никакие структуры церкви не должны мешать действию Духа. Очень часто такие замечательные принципы как послушание, смирение и терпение (классическая триада) мешают Церкви исполнять ее служение. В церкви говорят, что все должно делаться по благословию. При этом никто не предполагает, что должна быть обратная связь, что благословение и послушание должны начинаться тогда, когда есть взаимное согласие на это того старшего, кто благословляет, через кого приходит благословение, с тем, кто воспринимает благословение и послушание как актуальное для себя. Нам очень важно понять, что если в церкви и должно все делаться по благословию, то в первую очередь по благословию Божьему. Если и должно быть смирение, то оно должно быть в первую очередь смирением пред Богом. Если и должно быть терпение, то терпение должно быть ради Бога, а не каких-либо иных интересов или целей.

Я считаю, что самым адекватным в наше время способом устройства Церкви должен быть тот способ, который был открыт Христом Своим ученикам. Христос призвал к Себе учеников, создал из них общину, а эта община стала настоящим братством истинных учеников. Даже когда один из учеников пал и стал предателем, это не помешало Церкви жить дальше и очищаться от всякой скверны, не заражаться дурными примерами. Эта общинно-братская экклезиология должна стать примером для всех в церкви. Не все, может быть, могут так жить, не все в церкви, может быть, сами могут прямо в этом участвовать, но они должны хотя бы двигаться в этом направлении и поддерживать тех, кто на это уже решается. Это принципиально важно. Это и богословский вопрос, это вопрос и антропологический, это и вопрос практический. Это наша ежедневная жизнь. Церковь должна думать, как ей отразить в своем устройстве то богочеловеческое начало, которое в ней должно быть первенствующим. Церковь должна помочь своей иерархии стать по-настоящему служащей, т. е. встать во главе пирамиды церковной вертикали, но пирамиды перевернутой вниз, поскольку наибольшая ответственность и большая тяжесть должны лежать на тех, кто в ней занимает наиболее почетное место. Бóльший крест, более тяжелый крест должны брать на себя бóльшие в церкви и старшие в ней. Церковь должна их беречь и знать. Для этого принцип соборности должен быть проведен до конца в жизнь церкви, так же как и принцип личности, а также принцип единства в многообразии. Церковь должна поддерживать и приветствовать всякое многообразие, которое

не противоречит ее единству, а также всякое единство, которое не противоречит ее многообразию. Она должна скинуть с себя все архаическое, мертвое, неподвижное, бездвижническое, фундаменталистское и секуляристское, т. е. то, что не связано с наследием, с традициями, с корнями церковной жизни. Так мы должны думать о церковном устройстве, мы к этому должны стремиться в богослужении, в молитве, в нашей жизни и в нашей вере. Мы будем тогда не слушателями, но исполнителями слова Божьего, тогда мы станем настоящими учениками Христа, которые стремятся достичь полноты и зрелости Христова возраста.

Дмитрий Сергеевич Гасак

Первый проректор СФИ, председатель оргкомитета конференции

Сегодня актуален как вопрос служения Церкви (здесь приходится говорить о Церкви в ее мистическом измерении, как о Телесном Христовом, и о ее земном воплощении, как таинственном собрании и административно-канонической структуре), так и проблема ее устройства. Во-первых, современное российское церковное сообщество заинтересовано в актуализации и, я бы даже сказал, в обновлении понимания Церкви в свете новозаветного Откровения, в прямой соотнесенности с текстом Нового завета. Во-вторых, необходимо ответить на вопрос о том, какое устройство церкви наиболее соответствует этому Откровению и церковной традиции, а также современным общественным реалиям. Все-таки Церковь имеет ясное и прямое призвание ее Создателя и Учителя — «идите, научите все народы»^{*1} и «по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»^{*2}. В соответствии с этим призванием церковь должна нести свое служение не символически, а реально, и значит быть соответствующим образом устроена.

Мы выбрали такую тему конференции, чтобы сделать усилие по обновлению церковного самосознания по крайней мере тех, кто примет участие в конференции. Все-таки богословские конференции должны приносить не только углубление в познании, скажем, церковной догматики, но и вдохновение, обновление веры в Церковь, в Бога и человека. Современное сознание многих церковных людей нуждается в том, чтобы понимание базовых принципов церковной жизни встало на свое место. На первый взгляд это выглядит странно: новозаветная церковь существует

^{*1} Мф 28:19

^{*2} Ин 13:35

две тысячи лет и за это время она могла бы определить внутри себя, что есть служение церкви и каким образом она должна быть устроена? Конечно, этот вопрос отчасти справедлив, но все-таки лишь отчасти, в виду того, что церковь представляет из себя не только земной организм и не только мистическое Тело. Церковь — явление богочеловеческое. Поэтому всегда, до скончания века, вопрос соотношения духовной природы Церкви и ее исторического бытия будет актуален и даже чрезвычайно остр. Вот и в наши дни этот вопрос стоит очень остро, и не только в нашей стране, где церковь пережила совершенно особый, беспрецедентный в истории период гонений, но и в других странах близких нам, где происходят масштабные перемены в церковной жизни. Меняется образ Православия в мире.

Главный вопрос не в том, как служение назвать. В конце концов, Христос призвал своих учеников к проповеди, к тому, чтобы сделать Его учениками все народы. В евангелии можно найти еще несколько фраз, которые определяют призвание Церкви. Например: «Да любите друг друга, как Я возлюбил вас»^{*1}. Это свидетельство о новой жизни — жизни «не от мира сего» — и призыв к ней. Все христиане об этом знают. Но каким образом этот призыв воплотить не когда-то в будущем, не по образцу прошлого, а непосредственно сегодня? Какие есть для этого возможности и что необходимо делать в первую очередь? Церковь представляет собой большой организм, у нее и в ней много разного рода забот. Но мы обязаны знать, что необходимо делать в первую очередь, т. е. знать свои приоритеты именно как христиане, как члены Церкви, а не как граждане государства, и даже не как члены родной семьи. То есть мы призваны стать соработниками Бога в стремлении, в усилении к воплощению Духа.

Полагаю, что устройство церкви должно быть подчинено осуществлению этого призвания. Ведь в Евангелии мы не находим четкого церковного устава, ясно очерченного порядка церковной жизни. Христос главным образом утверждал принцип единства между Ним и учениками, между самими учениками, основанный на любви. Все в церкви должно исходить из любви, и только из любви. Поэтому о. Николай Афанасьев и называл любовь — высшей властью в Церкви. Иной власти Церковь не знает. Является ли любовь основой современного церковного устройства? Любовь — своего рода визитная карточка церкви вне зависимости от того, сколь велики масштабы ее жизни: от небольшой общины, состоящей из 15–20 человек, до масштаба целого народа.

*1 Ин 13:34

Именно этим принципом церковь должна руководствоваться и осуществлять свое служение исходя из этого принципа, и устройство церковной жизни определять им же. Пока мы видим здесь много разного рода проблем. Иногда таких проблем, преодоление которых вызывает сомнение в своей возможности. Но унывать нам не заповедано, поэтому мы и выбрали такую тему для нашей конференции.

Виктор Владиленович Александров

Кандидат исторических наук, независимый исследователь

Основное служение Церкви и ее призвание в современном мире остается тем же, каким оно было с первых дней ее возникновения, с момента Пятидесятницы — благодарить Бога и помнить о Христе, т. е. выполнять заповедь, данную Христом на его Тайной Вечере *¹. Благодарить и помнить подразумевает многое. Память о Христе подразумевает в том числе, что в самой Церкви между ее членами должны господствовать отношения любви, как это было заповедано Христом на той же Трапезе Господней *², и их она должна являть и нести миру. Все церковные служения, институты, обряды, традиции суть лишь вспомогательные средства для выполнения Церковью основного служения благодарения и свидетельства о Христе. Это важно повторять и помнить всегда, потому что с давних эпох в Церкви живет тенденция к «эмансипации» от своего основного служения и превращению просто в специфический общественный институт.

Выполнению Церковью своего основного призвания наиболее соответствует такой способ устройства, который кладет во главу угла интересы конкретных евхаристических собраний (в современных обстоятельствах это приходы) и позволяет им свободно и ответственно возвращать своих членов во Христе и проповедовать евангелие миру. Нет нужды определять этот способ устройства детально — это было бы излишним прожектерством. Практический путь к нему, если местные церкви пожелают на такой путь вступить, исходит из наличествующих обстоятельств в каждой поместной церкви. В настоящий момент мы крайне далеки от подобного устройства почти во всех поместных церквях. Внимание верующих всех церковных рангов излишне сосредоточено на высшей церковной иерархии, битвах церковных престолов, национальных амбициях, вторичных по отношению к основному служению Церкви обрядах и предрассудках — ко всему тому,

*¹ 1 Кор 11:23–26; Мк 14:22–26; Мф 26:26–30; Лк 22:17–20

*² Ин 13:34–35

что составляет «мутную поверхность вещей» и нередко ошибочно отождествляется с Церковью и самими христианами.

В напоминании Церкви о том, что составляет ее основное служение и как ему может способствовать церковное устройство, важную роль могли бы сыграть богословие и добротная духовная школа. Увы, они делают это нечасто, ибо, во-первых, прозябают в православии, а во-вторых, сами во многом утратили представление и о том, и о другом.

Священник Иакинф Дестивель, ОР

Доктор богословия, кандидат философских наук, монах Доминиканского ордена. Профессор Папского Университета святого Фомы Аквинского, сотрудник Папского совета по содействию христианскому единству

Устройство Церкви должно быть основано на трех служениях народа Божия: священническом, пророческом и царском. А цель Церкви — это миссия, проповедь Благой вести, благовестие. Из трех служений пророческое — Миссия Церкви — кажется мне тем, что более всего определяет ее устройство. Сейчас мир меняется, люди не такие, как 100 лет тому назад. Поэтому, может быть, стоит подумать, как устройство Церкви может более соответствовать этому новому миру, этим верующим и неверующим, которые ожидают от нас слова Божия, которые ожидают Благой вести.

В связи с этим, надо, как говорит папа Франциск, обратить внимание на периферию, т. е. на людей, которые или не находятся в церкви вообще, или находятся на ее «границах» или которым в церкви по каким-то причинам не придается особого значения. Как говорит папа Франциск, центр мы видим лучше с периферии, и поэтому он осознанно избрал для своих поездок периферийные (не только и не столько географически) страны, чтобы лучше видеть проблемы, чтобы лучше видеть «центр» (в кавычках) Церкви.

Вы являетесь исследователем Московского собора 1917–1918 гг. и часто упоминаете в своих выступлениях, что Собор важен как явление соборности независимо от принятых на нем решений. Скажите, пожалуйста, чем лично для Вас важен опыт Собора?

Для меня действительно важна та мысль, что главное значение этого Собора — не в его документах, хотя они очень интересные.

Это сам Собор, это сам принцип соборности, который выражается особенным образом в очень интересной процедуре, которую они нашли. Было два разных, как вы знаете, уровня принятия решений. Все могли голосовать и была помимо пленарного заседания конференция епископов, которая должна была одобрить его решения. Эта процедура позволила вместе, соборно различать знаки времени. Собор рассматривал все аспекты жизни церкви с богословской точки зрения, чтобы различать, что важно, а что, как говорят на греческом языке, ἀδιάφορος (по-греч. «неразличимый», «безразличный»), не так важно.

Отцы Московского собора смогли осознать знаки времени, несмотря на кризис в обществе и в мире. Для меня самое трогательное в этом Соборе, некий знак, который меня убеждает, — это мученики, среди них, по-моему, уже больше 50 прославленных церковью. Никогда в Церкви не было такого собрания мучеников. Эти люди были из разных сословий, были и крестьяне, были и дворяне. Я убежден, что еще многому можно научиться у этого Собора. Это дар Святого Духа не только для Русской церкви или для Православной церкви, это дар и для всех христиан.

Каким образом мы можем стать наследниками Московского собора 1917–1918 гг.?

Мне кажется, чтобы быть наследником Московского собора, надо уметь различать знаки времени, надо, как члены этого Собора, уметь смотреть на мир, на общество и на Церковь и видеть, что хочет Святой Дух для них. Но для этого надо, конечно, прежде всего, быть людьми, которые молятся. Это первое качество каждого члена Церкви, потому что только через молитву можно получить дары священнического, пророческого и царского служения.